

Сяо Кан улыбнулся и, лёгкий как крыло цикады, поцеловал Сун Юя в центр лба. Когда Сун Юй проснулся, на кровати остался только он один.

Хотя это и позволило избежать некоторой неловкости прошлой ночи, но разве не было в нём смутной, едва уловимой доли разочарования?

Когда он оделся, Сяо Кан вошёл с двумя пиалами риса:

— Приёмный дядя, позавтракаем. Дядя Яо сказал, что сегодня нам есть чем заняться.

Изначально в сердце Сун Юя ещё была тень смущения, но, увидев, что Сяо Кан ведёт себя так, будто ничего не произошло, он успокоился.

Позавтракав, они отправились к Гуань Яо и узнали, что правительство округа снова прислало людей — значит, с эпидемией должны разобраться.

Как и ожидалось, деревню передавали под ответственность людей из окружного управления, и завтра они уже могли возвращаться. Но Сяо Кану не очень хотелось уезжать сразу.

С приходом внешней помощи у троих — Сун Юя и других — сегодня появилось больше свободного времени.

В день, наполненный поддержанием огня, приготовлением лекарств и раздачей похлёбки, небо быстро потемнело.

Пужинав общественной едой и вспомнив, что Гуань Яо ещё не ел, они наложили немного еды и вместе понесли ему, заодно чтобы обсудить, когда завтра отправляться в обратный путь.

Дома в деревне Цзян стояли очень близко друг к другу, примерно в трёх чи шириной, а крыши с широкими карнизами нависали низко, поэтому ночью, проходя по переулкам, перед глазами была сплошная тьма.

Сун Юй и Сяо Кан шли друг за другом по переулку и, собираясь повернуть за угол, услышали, как кто-то за углом тяжело дышит.

Они замерли на месте, расслышав, что это за дыхание.

Причём дыхание было двух людей. Хотя глазами убедиться было нельзя, но по звукам можно было понять, что это дыхание было полным страсти и упоения.

От этого им стало неловко. Как раз когда они по молчаливому согласию приготовились развернуться и уйти, из-за угла донёсся знакомый голос.

— Ладно, отпусти меня...

— Нет, в этом я не могу слушаться вас.

— Чжао Линьцзян, хватит, а то кто-нибудь увидит.

— Дяде Яо можно иметь тысячи любовников, а мне нельзя искать утешения в мимолётной страсти?

— Что я должен сказать, чтобы ты понял?

— Тогда не говори, я и не хочу понимать.

Затем диалог снова прекратился, остались только пленяющие дух и волю звуки совместного дыхания.

Само появление Чжао Линьцзяна здесь было необычным, а теперь, случайно подсмотрев любовную сцену Гуань Яо и Чжао Линьцзяна, Сун Юй и вовсе получил удар грома.

Хотя Сяо Кан уже давно в глубине души всё понимал, сейчас он тоже был смущён и растерян.

Они на цыпочках пошли обратно. Всю дорогу до жилища никто не проронил ни слова.

Сяо Кан знал, что Сун Юй переваривает только что увиденное, и сам не знал, о чём заговорить.

Оказывается, когда позавчера Чжао Линьцзян сказал, что спускается с горы, он просто пришёл к Гуань Яо.

Зажёгши в комнате лампу, Сяо Кан наконец спросил:

— Учитель, а эта еда...

— Оставь, — сказал Сун Юй.

Затем снова наступила гробовая тишина. Когда они вернулись на лежанку и легли, Сяо Кан услышал очень лёгкий вздох Сун Юя.

— Учитель... — тихо позвал он его.

Сун Юй лежал к нему спиной:

— Раз уж увидел, что хочешь спросить?

Сяо Кан не ожидал, что Сун Юй будет так прям. Немного подумав, он набрался смелости и заговорил:

— О склонности дяди Яо к мужчинам [«страсть отрезанного рукава»] знают все. Почему же приёмный дядя так опечален? Неужели...

Неужели у Сун Юя к Гуань Яо особые чувства? Сяо Кан не осмеливался спросить.

— С точки зрения уважения и приличий, нам не подобает обсуждать чужие дела. А с точки зрения истины, ведь этот человек... Линьцзян, — сказал Сун Юй, и даже голос его стал слабее.

Сяо Кан не очень понимал:

— Если дядя Яо того желает, почему приёмный дядя считает, что его спутником не может быть Линьцзян? Между ними и так нет кровного родства. Неужели учитель думает, что причина в этике и правилах приличия?

Сун Юй не сразу ответил, лишь спустя мгновение сказал:

— Не только.

— Тогда почему? — В голове Сяо Кана возникла смелая догадка.

— Ничего. Пока не будем обсуждать. Отдыхай.

Сяо Кан, казалось, рассердился. Он тут же сел, повернул Сун Юя за плечи и, нависая над ним, потеряв рассудок, сквозь стиснутые зубы спросил:

— Неужели учитель... питает к дяде Яо иные чувства?!

Сун Юй на мгновение оторопел, придя в себя, он сурово и строго сказал:

— Вздор! Не смей быть непочтительным!

— Учитель, ответь мне. Да или нет? — Сяо Кан изо всех сил сжал его плечи, пристально глядя в глаза.

Сун Юй действительно не ожидал от Сяо Кана такой реакции:

— Сяо Цзинъюнь, задавая такой вопрос, разве ты не чувствуешь, что это безосновательная клевета?

— Цзинъюнь не осмеливается делать поспешных выводов, лишь прошу учителя дать ответ, — Сяо Кан усилил хватку.

Сун Юй вспыхнул от гнева:

— Да или нет — это не имеет к тебе отношения.

В сердце Сяо Кана кольнула боль. В припадке безумия он ладонью схватил Сун Юя за подбородок, склонился и захватил его губы своими.

Сначала в голове Сун Юя воцарилась пустота, затем он изо всех сил толкнул лежащего на нём Сяо Кана. Сяо Кан откинулся назад. Сун Юй в панике спрыгнул с кровати, схватил лежавшее рядом верхнее платье и, хлопнув дверью, выбежал.

— Учитель! — Сяо Кан в панике опустился на колени на кровати, глядя, как тот исчезает из виду.

Выйдя за дверь, Сун Юй прошёл ещё довольно долгий путь и наконец остановился у ручья. Он умылся холодной ручейной водой, но жар на лице не спадал.

Так Сяо Кан прождал Сун Юя у двери всю ночь, а Сун Юй просидел у ручья всю ночь.

Едва занялся рассвет, Сун Юй отправился искать Гуань Яо.

Когда Сун Юй пришёл в жилище Гуань Яо, никаких следов присутствия других людей не обнаружилось, словно Чжао Линьцзян и не приходил сюда.

— Чунцзинь, почему так рано встал? — Гуань Яо потянул шею. — Цвет лица какой-то синевато-бледный, плохо отдохнул?

Сун Юй в душе вздохнул: не то что плохо отдохнул — вообще не отдыхал.

— Не спалось, вот и встал, — Сун Юй лишь случайно взглянул на Гуань Яо, но краем глаза заметил на боковой стороне его шеи алую отметину, которую не прикрывала одежда.

Гуань Яо, улыбаясь, налил ему чашку воды:

— А Цзинъюнь где?

— Не... не знаю, — едва услышав это имя, Сун Юй почувствовал стыд.

Гуань Яо достал из стоявшего рядом амбара-шкафа бумажный свёрток, в котором лежала походная еда:

— Поешь пока.

Сун Юй взял грубую лепёшку и принялся есть:

— Какие у второго брата планы на сегодня?

— Я как раз вчера вечером хотел найти тебя и поговорить об этом, потом помешали дела, но сейчас сказать тоже самое время, — Гуань Яо произнёс это естественно.

Что именно его отвлекло, Сун Юй, конечно, отлично знал:

— Сегодня можно отправляться в обратный путь?

— Уйдём до полудня. В радиусе десяти ли вокруг этого места будут закрывать деревни на карантин, передадут вышестоящим.

— Надёжно ли это?

— Дядя Чу всё устроил, проблем не будет.

У Сун Юя всё же оставались некоторые сомнения:

— Когда второй брат ездил в Фуцзин?

— Я не ездил, послал письмо с человеком, — сказал Гуань Яо.

— Дядя Чу уже в годах, и дел у него столько, что от них не оторваться... — Сун Юй отложил еду, стяхнув с кончиков пальцев крошки.

Гуань Яо похлопал его по руке:

— Для него это всего лишь слово на ухо императору, не переживай так.

Сун Юй кивнул, чувствуя смесь радости и тревоги.

— Позже вернись и скажи Цзинъюню, пусть соберёт вещи и пораньше отправляются обратно, темнеет быстро.

Сун Юй нахмурился:

— Второй брат не вернётся с нами?

— Чу Мин спустился в Чанчжоу, я... — Гуань Яо начал говорить с затруднением, — пойду повидаться с ним.

Услышав это, Сун Юй стал ещё более беспокойным:

— Второму брату всё же стоит быть поосторожнее с этим человеком.

— Это всего лишь требующий долг, верну ему — и всё, — Гуань Яо горько усмехнулся.

Сун Юй сжал кулак и ударил по столу:

— Этот человек совершенно не знает меры. Когда же второй брат наконец решится разорвать с ним раз и навсегда?

— Подождём, пока ему не надоест, — Гуань Яо сказал это без всякого давления, словно дело касалось не его.

Они ещё кое о чём поговорили, как вдруг Сяо Кан сам нашёл их.

Войдя, он увидел, как Сун Юй и Гуань Яо оживлённо беседуют и смеются. В прошлом это не вызвало бы у него никаких чувств, но после вчерашнего скандала, когда Сун Юй так и не дал ему точного ответа, увидев эту картину, он не смог сдержать вспыхнувших в глубине души искр.

— Учитель... Дядя Яо, — губы Сяо Кана сжались в тонкую линию, под глазами легла синева.

Гуань Яо тут же встал и, улыбаясь, пошёл ему навстречу:

— Цзинъюнь пришёл. Мы с Чунцзинем как раз собирались тебя искать.

— А? Дядя Яо искал меня? — Сяо Кан говорил с Гуань Яо, но глаза его не отрывались от Сун Юя.

Сун Юй холодным взглядом встретил его острый взор, чувствуя недовольство.

— Это место теперь под контролем властей. Ты и Чунцзинь должны вернуться в горы до полудня.

<http://bllate.org/book/16311/1471480>